

Кто из старых знакомых сравнится с былым (часть двенадцатая)

Этот кошмарный день был лишь началом.

С тех пор Чао Цы оказался заточён в этих покоях, а Лу Янь проявил куда большую жестокость, чем он мог вообразить. Попытка сопротивляться и угрожать голодовкой закончилась тем, что на следующий же день юноша грубо схватил его за подбородок и насильно влил в него две миски каши.

Он до сих пор помнил, с каким небрежным, но в то же время жестоким видом Лу Янь, улыбаясь, произнёс:

— Почтенный пропустит один приём пищи — я волью в него два. Если не веришь, можешь проверить.

В тот миг Чао Цы беспомощно распластался на полу, с трудом опираясь на руки, чтобы приподнять верхнюю часть тела. Воротник его одежды был запачкан пролившейся кашей.

Он и сам себе казался жалким и несчастным.

А над ним, глядя сверху вниз, возвышался его мучитель.

Чао Цы закрыл глаза, отказываясь от этой тщетной борьбы.

Он думал и о самоубийстве, но не потому, что действительно хотел умереть, а чтобы припугнуть Лу Яня. Однако он обнаружил, что весь дворец был испещрён особой защитной формацией, сердцем которой собеседник сделал его самого. Убить себя в этих стенах было невозможно.

Поначалу Чао Цы и не помышлял о том, чтобы уступить Лу Яню. С какой стати он должен был прогибаться перед этим бессердечным ублюдком?

Но день, два он ещё мог терпеть. Однако вечное заточение в четырёх стенах, ненасытные требования и бесконечные унижения этой твари выматывали его. В конце концов, Чао Цы начал сдаваться.

Однажды Лу Яню взбрело в голову заняться с ним этим на улице.

— Невозможно! — услышав предложение этого ублюдка, Чао Цы вспыхнул от гнева.

«Средь бела дня, на глазах у всех предаваться разврату! Как такое вообще могло прийти ему в голову!»

— Не беспокойся, почтенный, я отослал всю прислугу, — с усмешкой на губах небрежно успокоил его юноша.

С этими словами он расстегнул сковывавшие Чао Цы железные цепи и приготовился поднять его на руки.

— Я не пойду, — он поднял голову, глядя на Лу Яня и дрожа от ярости.

Тот, не обращая на него никакого внимания, обхватил его за талию.

В отчаянии Чао Цы схватил с кровати нефритовую подушку и швырнул в него.

Ударившись о тело Лу Яня, подушка рассыпалась в пыль, не причинив ему ни малейшего вреда, но улыбка исчезла с его лица.

В последнее время так было всегда. Обычно на его лице играла лёгкая улыбка, хотя и это не мешало ему действовать жестоко. Но стоило Чао Цы его разозлить, как лицо юноши становилось мрачным, и тогда пленнику приходилось несладко.

Лу Янь шагнул вперёд и, схватив Чао Цы за волосы, дёрнул его голову вверх. Собираясь что-то сказать, он вдруг замер.

— Ты почему плачешь? — тихо спросил он после долгой паузы.

Насильно поднятое лицо Чао Цы было залито слезами. Он плакал беззвучно, но крупные капли одна за другой срывались с ресниц. Глядя на него, трудно было поверить, что это тот самый Истинный владыка Юэ Чжи, который не морщился даже от самых тяжёлых ран.

У Лу Яня перехватило горло. Его ожесточившееся после раскрытия правды сердце, заставившее его заточить пленника, на миг дрогнуло и смягчилось.

Он медленно подошёл ближе.

— А-Цы, что случилось? — прошептал он.

Он впервые назвал его так. Раньше он слышал это имя лишь от одного человека — Лу Цзэи.

Теперь, когда он произнёс его сам, имя, казалось, нежно обволакивало губы, и сердце забилося

чаще от этих двух слогов.

— Убирайся! — холодно крикнул Чао Цы, но голос его срывался от рыданий.

На удивление, Лу Янь не рассердился. Он сел рядом и, легонько похлопывая его по спине, тихо сказал:

— Не пойдём, так не пойдём. Я был неправ.

— А-Цы, не плачь, хорошо?

Чао Цы, казалось, и сам счёл постыдным, что он, проживший несколько сотен лет, так разрыдался. Он до боли сжал губы, с трудом сдерживая слёзы.

Лу Янь достал платок и осторожно, нежными движениями, вытер его лицо.

Чао Цы, поджав губы, по-прежнему молчал.

С того дня их отношения, казалось, значительно улучшились.

Лу Янь перестал постоянно принуждать Чао Цы к чему-либо, а тот, в свою очередь, больше не встречал его ледяным молчанием или колкостями.

Чао Цы получал всё больше свободы. Лу Янь даже снял с него железные оковы, позволив передвигаться по дворцу.

Правда, на лодыжки он ему надел другую цепь, золотую, которая при ходьбе издавала мелодичный звон.

Так пролетели ещё полмесяца.

Если не считать дворца, который он не мог покинуть, и цепи на ногах, Чао Цы и Лу Янь выглядели почти как пара влюблённых, живущих в согласии.

Чао Цы решил, что время пришло. В один из дней, когда Лу Янь пришёл в его покои, он попросил разрешения выйти наружу.

Тот, даже не задумавшись, отказал.

Выражение лица Чао Цы изменилось, но он всё же продолжил упрашивать его мягким, ласковым голосом.

Лу Янь лишь с насмешливой улыбкой смотрел на него. В его взгляде читалось то ли презрение, то ли разочарование.

— А я-то гадал, отчего почтенный так переменялся. Оказывается, всего лишь уловка, чтобы выиграть время.

На самом деле, он не был сильно разочарован.

Он лучше многих понимал натуру Чао Цы. Такого, как он, не сломить ни кнутом, ни пряником. Против жестокости он отвечал ещё большей жестокостью, и никогда бы не проявил слабость из-за грубой силы.

Но, притворялся Чао Цы или нет, ему всё равно было его жаль. К тому же, это была приманка в сахарной глазури, и он, конечно же, собирался съесть эту глазурь без остатка.

Когда Лу Янь произнёс эти слова, последняя искра надежды в сердце Чао Цы угасла.

Его лицо мгновенно похолодело. Схватив со стола чашку, он с силой швырнул её в собеседника.

— Катись отсюда! — прошипел он, его голос был ледяным от гнева.

Он прекрасно понимал, что, сорвавшись сейчас, не оставит себе пути к отступлению, и Лу Янь этого так не оставит. Но все его дни притворства не принесли ничего. А раз так, он больше не хотел поддерживать эту видимость мира.

Чао Цы был именно таким человеком. Если бы не желание выбраться на свободу, он бы никогда не заставил себя любезничать с этим убудком. Теперь, когда надежда окончательно умерла, он не собирался и дальше разыгрывать комедию ради того, чтобы облегчить своё будущее.

Напротив, осознание того, что все дни унижений пошли прахом, разожгло в нём ярость.

Неужели Лу Янь всё это время считал его за дурака?

— Я сказал, убирайся, ты не слышишь?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее закипал от гнева. Он опрокинул стол. На нём

стояли блюда, которые хозяин этих покоев сегодня специально для него приказал приготовить. Теперь всё это вместе с похлёбкой и соусами растеклось по полу.

На лице Лу Яня всё ещё играла улыбка, но глаза его стали холодными.

— Почтенный прекрасно знает, что злить меня сейчас бессмысленно, но всё равно не может сдержаться. Вы всегда такой.

С этими словами он своими длинными, сильными пальцами мёртвой хваткой вцепился в запястье Чао Цы.

— Но это ваш собственный выбор. Последствия тоже придётся принять вам, не так ли?

Последние слова он произнёс с вопросительной интонацией, но Чао Цы отчётливо расслышал в его голосе непререкаемую твёрдость.

Внезапно в руке юноши появился маленький лазурный фарфоровый флакон.

Лицо Чао Цы изменилось.

— Что это?

Лу Янь молча открыл флакон и, грубо схватив его за подбородок, вылил содержимое ему в рот.

Что-то похожее на пилюлю прокатилось по горлу и упало в пищевод.

Как только тот отпустил его, Чао Цы согнулся в приступе рвоты, пытаясь извергнуть проглоченное.

Он видел, что Лу Янь был в ярости и собирался его мучить, так что это определённо было что-то ужасное.

Однако пилюля, казалось, уже растворилась в желудке. Как бы он ни давился, ничего не выходило.

— Почтенный, не тратьте силы попусту, — глядя на него сверху вниз, Лу Янь сдержанно усмехнулся.

Ничего не добившись, Чао Цы был вынужден прекратить. Он поднял на своего мучителя глаза, налитые кровью, и хрипло спросил:

— Что ты мне дал?

— Разве почтенный не беспокоился, что род Лу прервётся? — улыбнулся тот. — Но Лу Янь, кроме почтенного, никого рядом с собой не потерпит. Так что, боюсь, почтенному придётся немного потрудиться.

Чао Цы потребовалось некоторое время, чтобы осознать смысл его слов. Он широко распахнул глаза, с недоверием глядя на Лу Яня.

— Ты с ума сошёл!

— Не волнуйся, почтенный, шансы невелики. Возможно, потребуется три-пять лет, — сказал Лу Янь.

Чао Цы, продолжая отыгрывать ужас, и вправду едва сдерживался.

«Твою мать! Система, выходи немедленно! — закричал он мысленно. — Этот Лу Янь что, серьёзно? Я что, должен родить ему ребёнка?!»

«Даже если мне придётся перерождаться в этом мире тысячи раз, я ни за что не буду рожать! Можете хоть в десять раз увеличить награду!»

«Успокойся, — неторопливо ответила Система. — Дай-ка я тебя проверю»

После сканирования она продолжила:

«Лу Янь прав. Эффективность этого лекарства не так уж велика. По статистике, даже при очень активной половой жизни, потребуется три-пять лет. Ты же всё равно умрёшь через несколько месяцев, чего боишься?»

«И это говорит мне порождение высоких технологий! Ты что, в теории вероятностей не разбираешься? Да, обычно требуется три-пять лет, но что, если "вдруг"? — Чао Цы был в панике»

«Ладно, ладно, — Система оставалась невозмутимой. — Я тут кое-что подправлю, и гарантирую, что ты не забеременеешь. Устроит?»

Чао Цы впервые в жизни подумал, что Система — очень полезный помощник. Он с облегчением выдохнул.

«Вот это другое дело. Давай, действуй»

«С вас три тысячи» — учитывая плачевное положение юноши, Система не стала наглеть и назвала рыночную цену.

«Беру, беру, беру»

Договорившись с Системой, Чао Цы наконец выдохнул и смог полностью сосредоточиться на своей роли.

Он снова принялся давиться рвотой, пытаясь извергнуть проглоченную пилюлю.

— Лекарство растворяется при попадании в рот, — невозмутимо сообщил собеседник. — Оно уже давно в твоих внутренностях.

Чао Цы, не обращая внимания, продолжал свои попытки, но, как и сказал Лу Янь, ничего, кроме кислой желудочной желчи, из него не выходило.

На этот раз его глаза покраснели от настоящей паники.

Но тот, казалось, уже выработал иммунитет к его слезам, или же был слишком зол. Он схватил Чао Цы за затылок, не давая ему больше вызывать рвоту, и, зачерпнув чашку чая со стола, грубо влил ему в рот. Повторив это пару раз, он впился в его губы яростным поцелуем.

<http://bllate.org/book/15361/1415945>